

Он тут же нахмурился и сел на постели, с силой сжав в кулаке листок для записок...

Спустя какое-то время Цзи Ичэнь наконец расслабился. Теперь он больше не был тем маленьким бесправным рабом с каторги, которого каждый мог обидеть. За ним стояли такие влиятельные фигуры, как Цзи Линьчэнь и Бай Чжэн, да к тому же имелся статус молодого господина клана Бай — кто посмел бы его тронуть! Эта каша, должно быть, от Цзи Фэна, ведь тот всегда ходит бесшумно...

Успокоив замершее в груди сердце, Цзи Ичэнь придвинулся к краю тумбочки и протянул руку за оставленной там ложкой. Посмотрев на стоявшую перед ним горячую, золотистую и аппетитную пшеничную кашу, он почувствовал страшный голод. Черпнув ложку и слегка подув на нее, он сделал глоток, но едва каша попала в рот, Цзи Ичэнь поморщился от обжигающего жара.

Переждав ощущение жжения во рту, Цзи Ичэнь вернул ложку на место и мысленно вздохнул: похоже, в спешке горячего тофу не поешь. Впрочем, вкус действительно оказался отменным, с насыщенным ароматом риса. Что ж, придется подождать, пока остынет...

Пользуясь тем, что Цзи Линьчэнь еще не вернулся, Цзи Ичэнь решил сначала принять ванну. Хотя между ним и Цзи Линьчэнем уже установилась глубокая эмоциональная связь, подобные дела по обоюдному согласию — совсем как питье горячей каши: спешка здесь ни к чему, все нужно делать постепенно...

Час спустя Цзи Линьчэнь вернулся к дверям своей спальни. Этот день выдался настолько утомительным, что ему хотелось лишь обнять малыша и крепко уснуть. Полагая, что Цзи Ичэнь уже спит, он на цыпочках вошел в комнату и затворил за собой дверь. Однако стоило ему приблизиться к кровати, как он услышал тихое бормотание Цзи Ичэня.

— Жарко... как же жарко...

Наощупь сориентировавшись по звуку, Цзи Линьчэнь присел на край кровати и протянул руку. Нащупав расплывшийся личик Цзи Ичэня, он испугался от невыносимого жара! Нахмурившись, он произнес тихим, глухим голосом:

— Ичэнь, да ты же горишь! Быстро, вставай, я отнесу тебя к Линь Хуаю!

Хотя Цзи Линьчэнь постоянно переживал, что хрупкое тело Цзи Ичэня не вынесет суровых армейских условий, и уже бесчисленное количество раз предупреждал его не оставаться подолгу на улице, болезнь всё же настигла его. Как же он мог не волноваться!

В полумраке Цзи Ичэнь почувствовал, как чья-то прохладная, подобная нефриту рука коснулась его щеки — это было так приятно, а затем он очутился в прохладных объятиях, что помогло ему немного прийти в себя.

Он знал, что сейчас его обнимает именно Цзи Линьчэнь. Как бы то ни было, это был идеальный момент, чтобы завершить последний этап покорения Цзи Линьчэня. Цзи Ичэнь изо всех сил прикусил кончик языка — резкая боль помогла ему окончательно протрезветь. Ухватившись судорожным движением за рукав военной формы Цзи Линьчэня, он прерывисто и с трудом произнес:

— Н-нет, не нужно звать Линь Хуая, я вовсе не болен... Мне подсыпали кое-что в кашу, а я по неосторожности выпил...

Услышав прерывистые слова Цзи Ичэня, Цзи Линьчэнь напрягся всем телом. Это определенно было покушение на него самого, в армии завелся лазурник из вражеской страны! Но раз дело в яде, тем более нужно срочно вести его к Линь Хуаю! Что, если начнется действие яда и он погибнет!

Не слушая никаких возражений, Цзи Линьчэнь попытался поднять Цзи Ичэня на руки, но в следующее мгновение почувствовал пару беспокойных маленьких рук.

— Ичэнь, что ты делаешь?!

В комнате царила кромешная тьма.

— Ц-Цзи Линьчэнь... Я, я люблю тебя. Хотя поначалу я и хотел выведать секреты клана Цзи ради своего старшего брата, но ты так добр ко мне, я правда, правда всем сердцем полюбил тебя... Т-ты не мог бы поцеловать меня?

Это были самые обыкновенные слова признания, но они до глубины души взволновали Цзи Линьчэня. Увидев состояние прильнувшего к нему малыша, он наконец понял, какого рода зелье подмешали в еду Цзи Ичэню.

И всё же он держал себя в руках, проявляя чудеса самообладания. Твердым голосом он спросил:

— Ичэнь, я понял. Ты... ты действительно готов целиком и полностью отдать себя мне? Если ты не хочешь, я найду способ... Мх!

Цзи Линьчэнь не успел договорить, как Цзи Ичэнь прервал его поцелуем. Этот поцелуй ясно дал понять: Цзи Линьчэнь понял, что Ичэнь согласен, что он готов отдать себя ему без остатка...

В этот самый момент в его голове раздался голос системы, известивший о том, что задание по покорению Цзи Линьчэня успешно выполнено.

За окном уже совсем рассвело, створка была приоткрыта для проветривания. Разбуженный щебетанием воробьев на улице, Цзи Ичэнь сначала перевернулся на другой бок и, обнаружив, что на огромной кровати лежит совсем один, медленно открыл глаза, трепеща ресницами. В его прекрасных миндалевидных глазах еще таилась густая дремота...

— Хозяин системы, требуется ли Сяо Лю восстановить ваше тело? Уголки губ Цзи Ичэня изогнулись в ленивой улыбке, и он тихонько фыркнул: «Не нужно». Сейчас он чувствовал себя превосходно, каждая клеточка тела была расслаблена. Похоже, все недавние переживания были лишь плодом его воображения: Цзи Линьчэнь на самом деле давным-давно исцелился, просто сам этого не осознавал. Кто бы мог подумать, что сам великий и грозный молодой господин клана Цзи, Цзи Линьчэнь, овладеет искусством притворяться больным...

Если бы не события прошлой ночи, которые он испытал на собственной шкуре, Цзи Ичэнь ни за что бы не поверил, что у Цзи Линьчэня такая невероятная выносливость. Прошлой ночью, когда действие лекарства в его теле стало стихать, Цзи Линьчэнь, чтобы ненароком не навредить Цзи Ичэню, впервые познавшему близость, упрямо отжимался на полу на одной руке триста раз. Потом он принял холодный душ и просидел на краешке кровати до тех пор,

пока от его тела не перестало веять холодом, и лишь после этого снова забрался под одеяло к Ичэню.

Однако этот гордый молодой господин Цзи, похоже, впервые в жизни столкнулся с подобным унижением. Он разбудил Цзи Ичэня поцелуями и обиженным тоном выложил ему всё, что только что проделал, а дождавшись, пока Цзи Ичэнь сам не поцелует его в знак утешения, наконец погрузился в глубокий сон.

Вспомнив детское поведение Цзи Линьчэня прошлой ночью, Цзи Ичэнь улыбнулся еще теплее. Говорят, что даже самый жестокий и свирепый мужчина перед лицом любимого человека превращается в лужицу весенней воды. Судя по всему, с Цзи Линьчэнем именно так и было...

Первый мир 33

Цзи Ичэнь подремал еще немного, а когда почувствовал голод, не спеша поднялся с постели. Одевшись и выйдя из спальни в поисках Цзи Линьчэня, он увидел Сяо У, который истошно вопил и заливался слезами, пока двое дюжих солдат волокли его в сторону зала заседаний.

Цзи Ичэнь нахмурился: что здесь произошло? Из любопытства он последовал за ними. Едва переступив порог, он заметил, что в сборе были абсолютно все — не считая только что притащенного сюда Сяо У, а Цзи Фэн стоял на коленях, заковав руки в наручники.

Увидев входящего Цзи Ичэня, Цзи Линьчэнь поднялся со своего места и широким шагом направился к нему. В его глазах плескалась нежность; приглушив голос, он тихо спросил: «Почему ты пришел? Тебе все еще плохо?»

Цзи Ичэнь посмотрел на стоявшего перед ним обеспокоенного мужчину, чей голос излучал такую заботу, изогнул свои яркие глаза-фениксы и покачал головой, давая понять, что с ним все в порядке. Ласковым и мягким голосом он поинтересовался: «А почему моего брата здесь нет?»

Услышав это, Цзи Линьчэнь с совершенно естественным выражением лица взял Цзи Ичэня за ручку и мягко произнес: «Господин генерал-майор сказал, что хочет посмотреть, как проходят учения новобранцев, и уже ушел».

Цзи Ичэнь тихонько угукнул, позволяя Цзи Линьчэню вести себя за руку. Мимоходом они прошли мимо собравшихся к тому месту, где только что сидел Цзи Линьчэнь. Тот осторожно надавил Цзи Ичэню на плечи, побуждая сесть. Цзи Ичэнь не стал церемониться и прямо уселся в кресло, предназначенное для генерал-майора. Лебяжий пух, устилавший сиденье, оказался невероятно мягким. Окинув взглядом присутствующих с самыми разными выражениями лиц из-за спинки кресла, Цзи Ичэнь с любопытством спросил стоявшего рядом Цзи Линьчэня: «Что тут у вас происходит?»

Цзи Линьчэнь перевел взгляд на Сяо У, который дрожал на коленях, насмерть перепуганный и

уже не смеющий даже всхлипывать, и его красивое, словно высеченное из камня лицо мгновенно похолодело. Низким голосом он произнес: «Сяо У, выкладывай здесь всё, что натворил, до последнего слова, не то пеняй на себя — я поступлю с тобой по всей строгости военного закона!»

Услышав слова Цзи Линьчэня, Сяо У тут же на коленях подполз к Цзи Яньчжи и вцепился пальцами в штанину его брюк. В его глазах блестели чистые слезы, и, подняв перепуганное до смерти личико, он уставился на Цзи Яньчжи: «Второй молодой господин Цзи, спасите меня! Я правда понятия не имею, что произошло, честно...»

В конце концов, Сяо У делил ложе с Цзи Яньчжи несколько дней подряд, и тот не выдержал. Смягчившись, он подал голос, пытаясь заступиться за слугу: «Брат, это дело еще как следует не расследовали. Сяо У робкий, он бы не посмел пойти на такое...»

Тут подал голос Цзи Фэн, который по-прежнему прямо держал спину, стоя на коленях: «Сяо У, неужели ты и впрямь не знаешь, в чем дело?! Я отлучался на кухню, а когда возвращался, заметил, как ты украдкой выскользнул оттуда. Тогда я подумал, что ты просто проголодался и решил стянуть что-нибудь поесть, а поскольку ты человек второго молодого господина, я не стал тебя разоблачать. Но кто бы мог подумать, что у тебя хватит наглости подсыпать лекарство генерал-майору!»

Цзи Яньчжи при этих словах опешил. Он и сам прибыл сюда только что, но после слов Цзи Фэна вспомнил, что прошлой ночью, когда он сам переживал из-за ситуации с Цзи Ичэнем, Сяо У полез к нему в постель. Разъяренный Яньчжи тогда просто толкнул Сяо У ногой на пол, и после этого тот действительно куда-то отлучался, только в тот момент Яньчжи не прида этому значения...

Услышав это обвинение, Сяо У сильнее вцепился в штанину Цзи Яньчжи и, резко обернувшись, впери ядовитый, полный ненависти взгляд в спину Цзи Фэна: «Управляющий Цзи, следите за языком и подбирайте доказательства! Нечего перекладывать грязь со своей больной головы на мою! Каким глазом ты видел, что я сыпал лекарство в кашу? Говори! Ну же, говори!» Сяо У только закончил говорить, как раздался холодный смешок Цзи Фэна. Тот повернулся и ледяным взглядом посмотрел на Сяо У:

— Я ведь только что даже слова не говорил о какой-то каше! Если ты её не готовил и своими глазами не видел, с чего бы тебе вдруг знать, что в кашу кто-то подсыпал яд? Да это же ты сам и отравил кашу Шаоцзяна!

Сделал он это или нет — Цзи Фэн выяснил всего за пару фраз. Оставалось лишь признать, что с таким умом, как у Сяо У, пытаться тягаться с Цзи Фэном было откровенно глупо.

В этот момент в комнату вошел солдат в белом халате и о чём-то шепнул Линь Хуаю. Услышав это, Линь Хуай содрогнулся от изумления. В его чистых глазах застыл абсолютный шок; переводя взгляд на Цзи Линьчэня, он поспешно спросил:

— Шаоцзян, с вашим здоровьем действительно всё в порядке?! Я слышал, что это лекарство...

Линь Хуай даже не успел договорить, как Цзи Линьчэнь протянул руку, останавливая его, и дал понять, что с ним всё хорошо. Его лицо с резкими, мужественными чертами помрачнело, и он громовым голосом произвел приговор:

— Вина Сяо У в покушении на убийство Шаоцзяна доказана. Вытащить его отсюда, дать пятьдесят палок и с позором выгнать из военного лагеря!

На самом деле Цзи Линьчэнь еще проявил милосердие — по идее, за покушение на военачальника полагалось лишиться головы! Сейчас же его жгло лишь легкое наказание: изгнание из лагеря, где тот мог катиться на все четыре стороны.

Услышав это, Сяо У снова разрыдался. Разве его тщедушное тело могло выдержать пятьдесят палок?! Да это же верная смерть! Он судорожно вцепился в штанину Цзи Яньчжи, словно утопающий, ухватившийся за обломок бревна, и, вскинув своё жалостливое личико, распахнул полные ужаса глаза:

— Вторая молодой господин Цзи, спасите Сяо У! Сяо У ничего не делал! Правда ничего не делал!!

Цзи Яньчжи слышал каждое слово. Нахмутив брови и закусив губу, он лишь молча смотрел, как солдаты утаскивают сопротивляющегося Сяо У.

Тут поднялся Цзи Ичэнь. Сказав Цзи Линьчэню, что хочет пойти посмотреть на зрелище, и получив его разрешение, парень бодрой, радостной походкой вышел наружу. Лицо же Цзи Яньчжи было чернее тучи: бросив сухую фразу о том, что ему нужно вернуться к тренировкам, он тоже резко развернулся и ушел.

В комнате остались только Цзи Линьчэнь, Линь Хуай и стоявшего на коленях Цзи Фэна.

Цзи Линьчэнь и Линь Хуай обменялись взглядами, без слов понимая замысел друг друга. Теперь им предстояло разыграть настоящий спектакль перед зрителями, чтобы выманить того, кто стоял за спиной Цзи Фэна...

А Цзи Ичэнь едва успел сделать и пару шагов за дверь, как путь ему преградил Цзи Яньчжи. Видя, как тот отчаянно пытается продемонстрировать свои самые искренние чувства, Цзи Ичэнь, неожиданно проявив мягкосердечие, изогнул свои яркие миндалевидные глаза в лукавой улыбке:

— Цзи Яньчжи, разве ты не хотел узнать, через что я прошел в клане Цзи? Пойдём со мной в одно место, и ты всё поймёшь...

Сяо У выволокли на улицу, уложили на скамью для наказаний и стянули с него штаны. От этого он зарыдал еще пуще, вытаращив покрасневшие глаза и вопя на всю округу, что он — доверенное лицо Цзи Яньчжи, и если кто-то посмеет его тронуть, тот мигом лишится головы!

— Стойте!

В этот момент раздался звонкий, чистый голос юноши, заставивший всех присутствующих вздрогнуть. Говорившим оказался не кто иной, как Цзи Ичэнь. На его лице играла игривая и очаровательная улыбка. Обратившись к двум солдатам, он произвел милостивую просьбу:

— Подождите минутку, пожалуйста. У Шаоцзяна есть пара напутственных слов для него, передать которые поручено мне. Прошу вас, оставьте нас.

Солдаты переглянулись, вспомнив, как этот самый юноша только что непринужденно восседал в конференц-зале на месте самого Шаоцзяна, и без лишних слов отступили назад.

Здесь остались только Цзи Ичэнь, Сяо У и прятавшийся неподалеку у дверей Цзи Яньчжи. Цзи Ичэнь заранее предупредил Цзи Яньчжи, что войти внутрь тому нельзя — слушать разрешалось только из-за угла.

Глядя на «торжествующего» перед ним Цзи Ичэня, Сяо У злобно впился взглядом в это нежное, белоснежное личико, которое ему так хотелось разорвать на куски. Сквозь стиснутые зубы он прорычал:

— Бай Юйхэн! Даже став призраком, я не отпущу тебя!

Услышав, что Сяо У назвал его настоящим именем, Цзи Ичэнь приподнял уголки губ, сделал несколько шагов к нему и присел на корточки, заглянув прямо в глаза. В его чистом, до самого дна просматриваемом взгляде не было и тени жалости. От этого вору, чья совесть была нечиста, стало не по себе. Заметив смятение на лице Сяо У, Цзи Ичэнь усмехнулся про себя и неторопливо протянул:

— Станешь призраком и не отпустишь меня? Эту фразу вообще-то я должен тебе говорить. Если бы вчерашнюю чашку каши съел Цзи Линьчэнь, то на моем месте в гробу и правда оказался бы я...

Чем дольше Сяо У слушал, тем сильнее охватывал его ужас. Ошеломленно выдохнув, он выдавил:

— Он... он её не съел?! — после чего растерянно пробормотал себе под нос: — Не съел... тогда кто же съел ту чашку... неужели ты?!

Увидев выкатившиеся от страха глаза и перекошенное от ужаса лицо Сяо У, Цзи Ичэнь изогнул свои красивые миндалевидные глазки и легко усмехнулся:

— Верно. Твой хитроумный план удался на славу: ты надеялся чужими руками — руками Цзи Линьчэня — унижить меня и замучить до смерти! Только вот сколько ни рассчитывай, ты не учёл одного: ту чашку каши Цзи Линьчэнь приказал приготовить Цзи Фэну специально для меня! В конце концов, я должен тебя поблагодарить. Если бы не твои старания подлить масла в огонь, боюсь...

На улице Цзи Яньчжи услышал, как внутри внезапно стихли голоса. Спустя мгновение оттуда донесся безумный, надрывный смех Сяо У.

— Ха-ха-ха... Бай Юйхэн, ты изменился! Раньше ты говорил мне, что будешь любить одного лишь Цзи Яньчжи всю свою жизнь, а теперь всё переменялось! Какая ирония!

Цзи Ичэнь всего-навсего рассказал Сяо У, как бережно Цзи Линьчэнь относился к нему и что между ними никогда ничего не было, а заодно еще раз «поблагодарил» за устроенную травлю, которая так стремительно сблизила их с Шаоцзяном. От услышанного Сяо У окончательно лишился рассудка. Какой же жалкий, ничтожный человек от макушки до пят...

— ...Бай Юйхэн, разве ты не вечно упрекал меня за то, что я притворялся твоим другом, а когда вы договорились вместе сбежать из клана Цзи, я побежал доносить второму молодому господину? Разве ты не ненавидел меня, считая, что я целенаправленно порчу тебе жизнь? Так вот, я открою тебе секрет: если любимый мужчина каждую ночь, раз за разом требуя тебя, путает твоё имя с чужим и ежесекундно видит в тебе лишь замену кому-то другому, думаешь, тебе было бы сладко жить?! Да, я был этой заменой! А ты... ты и есть тот самый человек, о котором второй молодой господин тоскует днём и ночью. Какую же злую шутку сыграла со мной судьба...

Глядя на новые слезы, хлынувшие из глаз Сяо У, Цзи Ичэнь поднялся на ноги. Больше не глядя на поверженного врага, он бросил на ходу:

— Сяо У, ты сам во всём виноват. Никто тебя не заставлял. Клан Цзи никогда не был твоим домом, а Цзи Яньчжи — вовсе не тот человек, которому стоило отдавать сердце. Ты просто занимался самобичеванием. Говоря проще — ты сам напросился.

Сяо У отрешенно смотрел, как Цзи Ичэнь покидает комнату. Только когда в помещение снова шагнули двое крепких солдат, он опомнился — но первая же палка, опустившаяся на его нежное мясо, причинила такую дикую боль, что думать о чём-либо стало невозможно. Оставалось лишь в панике оглашать округу истошными криками о пощаде.

Увидев, что Цзи Ичэнь выходит наружу, даже не взглянув в его сторону, Цзи Яньчжи нахмурился и протянул руку, перехватив его за запястье. Стоило ему произнести лишь одно имя: «Юй...», как ледяной взгляд Цзи Ичэня заставил его кровь застыть в жилах. Выпрямив спину и пытаясь скрыть страх, Цзи Яньчжи проговорил переполненным нежности голосом:

— Ичэнь, выслушай меня...

Цзи Ичэнь резким движением выдернул запястье, освобождаясь от его хватки, отступил на шаг назад и холодно бросил:

— Второй молодой господин Цзи, вы же сами всё прекрасно слышали. Сяо У искренне любит вас, и все его поступки по отношению ко мне вызваны лишь тем, что вы уделяли ему недостаточно внимания. Пятьдесят палок назначены самим Шаоцзяном, тут мольбы не помогут. Если вы так переживаете за Сяо У, лучше оставайтесь у дверей и подождите, пока его выведут.

Цзи Ичэнь считал, что проявил максимум милосердия к этой парочке негодяев. Боль и смерть от разбитого сердца прежнего хозяина тела были таковы, что эти двое заслуживали самой мучительной гибели!

Однако услышав слова Цзи Ичэня, якобы продиктованные «заботой» о нём, Цзи Яньчжи занервничал еще сильнее. Шагнув вперед, он перегорол ему дорогу и зачистил:

— Ичэнь, я правда не люблю Сяо У! Я... я люблю только тебя! Честное слово, я с самого детства любил только тебя! Забыл? Ты ведь даже обещал мне, что когда вырастешь, обязательно станешь моей женой...

В тот самый момент, когда Цзи Яньчжи на эмоциях вываливал всё, что накопилось у него на душе, за его спиной возникла высокая, мощная фигура. Цзи Яньчжи этого не заметил, зато Цзи Ичэнь видел всё прекрасно. Приближался никто иной, как Цзи Линьчэнь. Лицо Шаоцзяна было чернее тучи — судя по всему, он от начала и до конца расслышал страстные излияния Цзи Яньчжи.

Видя помрачневшее лицо Цзи Линьчэня, Цзи Ичэнь холодно посмотрел на всё еще преграждающего ему путь искреннего Цзи Яньчжи:

— Цзи Яньчжи, тебе пора сменить обращение ко мне.

Лицо Цзи Яньчжи озарилось радостью, и он взволнованно воскликнул:

— Юй... Юйхэн!

Цзи Ичэнь холодно усмехнулся и отчетливо произнес:

— Ошибаешься. Теперь ты должен называть меня старшей невесткой...

Хотя эти слова предназначались Цзи Яньчжи, Цзи Ичэнь от начала до конца даже не взглянул на него. Его взгляд был прикован к стоявшему чуть позади, в тени, Цзи Линьчэню. В его лукавых, вызывающих глазах читался немой вызов: «Разве ты не говорил, что любишь меня? Давай же, вот тебе шанс — смеешь ли ты признать это, Цзи Линьчэнь?!»

Услышав это заявление, Цзи Яньчжи замер с поднятой рукой. Криво улыбнувшись, он зашептал:

— Юйхэн, перестань глумиться. Ты же лучше всех знаешь, каков мой брат! Забудь о мужчинах — он и женщин-то на дух не переносит! В его сердце лишь государственные дела, не будь таким наивным, Юйхэн...

Но пока он продолжал бормотать себе под нос, высокая фигура за его спиной резко опустила его поднятую руку, а затем мощная лапища схватила Цзи Ичэня и рывком притянула к себе. Цзи Яньчжи машинально обернулся. Сперва он заметил сладкую, мягкую улыбку на губах Цзи Ичэня — и сразу понял, что эта лучезарная улыбка предназначалась вовсе не ему. Скользнув

взглядом выше, он сперва увидел погоны на плечах стоявшего перед ним мужчины, отчего сердце его пропустило удар, а затем поднял глаза на свирепое, почерневшее лицо Цзи Линьчэня.

— Брат?!

<http://bllate.org/book/22217/2317454>